

Когда б мы жили без затей

Московские новости. — 1992. — 23 апреля (234) — с. 29

— 23.

Несмотря на устойчивые слухи о том, что авторская песня умерла, Вероника ДОЛИНА по-прежнему собирает полные залы.

Она сочиняет и поет свои песни уже почти двадцать лет — с виду тонкая, нервная девочка с птичьим поворотом головы, «серебряным» голосом... Ее часто можно видеть по телевизору, слышать по радио — она желанный гость всюду, любое ее появление «растопливает» аудиторию. Что отличает ее от той, которая много лет назад, вызываясь глядя в зал, спела: «Когда б мы жили без затей, я нарожала бы детей от всех, кого любила, всех видов и мастей...»?

— Я думаю, что слухи о моем литературном или культурном вызове несколько преувеличены. Если в моих песнях и была какая-то вызывающая энергия, то за счет того, что в них было много природного романтизма. А на наши 70-е годы в очередной раз пришла мода на это. И я была немножко, может быть, не против течения, но все же по касательной... И вот писались какие-то романтические стишки, я была молодая женщина...

— Говорят, поэту нужно быть осмысленным в стихах — стоит что-то придумать, как это случается в жизни. То есть стихи ведут

за собой жизнь, а не наоборот.

— Это такой тайный промысел, об этом не очень говорят даже в компаниях, даже с друзьями... Рискованно. Да, стихи многое в себе несут и многое предугадывают. Из того, что было когда-то выписано мною на бумагу и спето, немало реализовалось в жизни.

— Может, вопрос бестактный, но не кажется ли вам, что человек, тем более женщина, с гитарой на сцене — спорт молодых? Ставите ли вы себе сами какой-то временной предел?

— Мысль, дорогая сердцу моей мамы. Она обожает обсуждать, как я буду старая, косая, кривая, с седыми косами, прихрамывая, выползая на сцену и петь кошмарным голосом... Я-то думаю, что вещи истинные, сущностные — без пола, без возраста и еще без кое-каких очевидных примет. Я надеюсь писать и петь, сколько получится. И не кажется мне это спортом молодых, потому что я совсем не эстрада, я, если угодно, альтернатива ей. Скромно, как могу, но что-то делаю в изустной литера-

туре, в этой ее специфической ветви. Нет, я не очень боюсь, что время уйдет, а я останусь...

— Для вас существует разделение на мужскую и женскую поэзию?

— К сожалению, да. Оно должно быть, хотя истинный предмет, повторяю, не имеет пола и возраста, он долговечен, принадлежит и мужчинам, и женщинам, а в лучших своих образцах и детям, быть может, и животным тоже. Но есть вещи очевидно шовинистически мужские, я им не симпатизирую, это всегда обделенные, ущемленные вещицы. Есть стихи очень женские, конечно, есть женская поэзия. Есть такая замечательная отрасль искусства, как советская женская поэзия... Я хотела бы быть чуть-чуть в сторонке.

— Вы сильная женщина?

— Не знаю. Жизнь меня сперва сковала, а потом оковы отшлифовала. Навид, очевидно, я женщина сильная. Но как всякое живое существо я достаточно слаба, по своему даже слабохарактерна. Словом, нормальная двойствен-

ность, как у всякого живого и более или менее художественного человека.

— Изменилась ли ваша аудитория за годы, что вы выступаете?

— Очень сильно. Во-первых, многие ревностные любители того, что мы называем авторской песней, отошли. Это в характере любителя — он сперва любит, любит, любит, а потом начинает любить что-то другое. Постоянство — это уже класс профессионала. Через мою жизнь прошло много постоянных слушателей, друзей в очень высоком смысле слова. Конечно, одни уехали, другие занялись бизнесом. Но неправда, что людям сейчас не до поэзии — это все вранье, потому что людям всегда до любви, до поэзии, до рождения детей, иначе люди были бы не люди. А мы пока еще все живы.

— А сами вы изменились?

— Я сильно изменилась. Хотя какая-то генеральная линия все равно присутствует. Но перемен много.

— Какого рода?

— В детстве я была закомплексованной. И рано поняла, что стихи дело нешуточное, я буду ими заниматься, как единственным и основным делом жизни. Меня во многом можно упрекнуть, но сегодня я свободна, я независима, я любопытна к жизни — больше, чем прежде, больше, чем в юности. К тому же, рядом со мной растут дети, три штуки, я с ними тоже как-то меняюсь, расту, живу их интересами.

— Вы верите, что друзей можно приобрести не только в ранней юности?

— Пожалуй, да. Я слово «друг» недолюбиваю, оно истерто в нашем советском разговорном языке. Мне проще сказать чуть-чуть иронически: дружок, дружок. Или — «близкий человек», для меня это обширное красивое понятие. Что касается друзей, я думаю, во всякой природе чувства нужна дистанция как залог уважения одной личности к другой.

Беседу вела
Елена ВЕСЕЛАЯ